

Счастливый билет

РОМАНЫ

НАТАЛИИ МИРОНИНОЙ

Читайте романы
НАТАЛИИ МИРОНИНОЙ

в серии
«Счастливый билет»

Куколка для Немезиды
Трудное счастье Калипсо
Дочь мадам Бовари
Отказать Пигмалиону
Невеста Всадника без головы
Новая хозяйка собаки Баскервильей
Третий брак бедной Лизы
Завтрак для Маленького принца
Свадебное платье мисс Холмс
Дети капитана Гранина
Свадьба собаки на сене
Немного солнца для Скарлетт
Ошибка дамы с собачкой
Муж для дочери Карабаса
В ожидании Синдбада
Волшебная сумка Гермионы
Московский принц для Золушки
Не разлей вода
Босиком по краю моря
Догнать любовь
Случайные люди
Старинная история

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Время
перемен

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Дизайн обложки *Е. Куликова*

Редактор серии *С. Ленкова*

Миронина, Наталия.

М64 **Время перемен : роман / Наталия Миронина. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.**

ISBN 978-5-04-226851-9

Семья, любовь и домашний уют — вот о чем мечтает каждая девушка. Но в лихие девяностые думать об этом некогда, и Кире Заболоцкой приходится забыть о счастье и искать способы подняться.

Правильно говорят: хочешь жить — умеи вертеться, так что Кира хитрит, выкручивается, налаживает связи и изобретает схемы по развитию бизнеса. Ее главная цель — выкупить свою старую коммунальную квартиру в центре столицы. И ради этого она готова на все.

Вот только порой, стремясь к заветной мечте, мы совсем не замечаем радостей, что нас окружают...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Миронина Н., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-226851-9

В этой истории не очень много действующих лиц — Героиня, ее Подруга, Добрый человек и Муж подруги. Остальные участники действия появляются эпизодически и большого влияния на суть происходящего не оказывают. Наверное, решающую роль в этой истории оказало Время и Место, в котором герои книжки оказались.

Конец 80-х годов

Дом стоял так, что его было видно со всех сторон. И если идти со стороны Пушкинской площади, и если стоять на Никитской у церкви Большого Вознесения, и если вздумаешь свернуть с Садового кольца и пойти в сторону Патриарших прудов. Дом казался огромным, но при ближайшем рассмотрении в нем был всего один подъезд и пять этажей. Зато крышу его украшал треугольный готический фронтон. Многочисленные экскурсии, которые ходили по этим улицам, неизменно останавливались перед этим домом и экскурсоводы говорили одно и то же:

— Вас не должен обмануть внешний вид этого дома. Флигели, которые находятся справа и слева, к нему отношения не имеют. Они являются самостоятельными строениями. Но, по правде говоря, внутри сообщаются с ним лестничными переходами. А еще интересен фронтон, выполненный в готическом стиле. Тимпан фронтона являет из себя барельеф. Он изображает сцену одного из сражений Александра Македонского.

Экскурсанты тянули головы — разглядеть битву не удавалось, но общий вид удивительного дома вызывал шум в рядах.

Историю этого дома можно было прочесть в архитектурных и исторических справочниках, но что было правдой, а что неким преувеличением, уже никто

Время перемен

не знал. В описываемое нами время этот дом состоял полностью из коммунальных квартир, жильцы которых давно мечтали перебраться поближе, например, к Строгино, чем оставаться в историческом центре, но с туалетом на три семьи.

Семья нашей Героини, Киры Заболоцкой, занимала в старом доме несколько комнат. Это обстоятельство вызывало вечно тлеющую зависть соседей по этажу. А когда отец Киры в одной из комнат поставил маленькую электрическую плиту, соседи возмутились громко. Долго они шуршали по углам, неодобрительно покачивали головами. Строго смотрели вслед Заболоцким, а потом устроили общее собрание. Устроили его на общей кухне в такое время, когда из всей семьи была только школьница Кира и ее лежачая бабушка.

— Кира, не вздумай ходить туда. Мать с отцом разберутся, — тихо говорила бабушка. Она чувствовала свою вину, что долго болеет, никак не умрет, не даст покоя семье. Ее никто никогда не упрекал, более того, поддерживали и лечили всеми способами. Но в понимании старой женщины «достойно уйти» означало уйти до того, как тебя начнут проклинать родственники.

Кира ничего не ответила, но на собрание пошла. Она была в школьной форме с блокнотиком в руках.

— А мать-то где? — спросил ее сосед.

— Где положено быть в это время взрослым сознательным людям. На работе, — вежливо ответила Кира.

Народ запыхтел.

— Что с ней говорить?! Сопля! Мать и отца к ответу призвать надо! — забухтел сосед. Он был неплохим мужиком, но погнобить ближнего за компанию обожал.

— Если вы по поводу плитки электрической, то она поставлена для бабушки. Бегать каждый час за теплой кипяченой водой тяжело. Да и шумно. Потом сами же

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

соседи будут возмущаться. Мы там не готовим. Мы только воду греем.

— А если кипяtilьником пользоваться?

— Это противоречит противопожарной безопасности, — сказала Кира и заглянула в блокнот.

В блокноте ничего не было, но жест произвел впечатление.

— Погодите, бабушке много лет. И болеет она, сами знаете, раком. Потерпите.

Соседям стало стыдно.

— Вот привязались! — воскликнул с укором тот же самый сосед и гаркнул: — Расходитесь, нечего нервы человеку давить.

Результатом этого собрания стало несколько банок варенья, бутылочка облепихового сока, домашние грибы и прочие гостинцы. Каждый, кто передавал угощение, говорил:

— Алевтине Петровне здоровья. Если чем-то помочь, сготовить — только скажите.

Родители долго удивлялись переменам, пока бабушка не рассказала, как было дело.

— Кира все уладила. Молодец, без скандала.

Москва всегда умела удивительным образом примирить людей. Во всяком случае, сделать их соседство комфортным. Когда пришло время записывать девочку в школу, родители Киры, недолго думая, отвели ее в ближайшую. По иронии судьбы, эта оказалась самая лучшая, самая известная школа города. Английский здесь начинали учить со второго класса, был свой бассейн и спальный корпус для продленки. Сюда приезжали иностранные делегации, а члены правительства привозили сюда своих детей и внуков. Родителей Киры эти обстоятельства не впечатляли. Их радовало то, что школа была близко и Кира могла бы приходиться и кормить бабушку обедом. Кира воспринимала это нормально —

Время перемен

у каждого члена семьи должны были быть обязанности, а при необходимости каждый приходил на помощь другому. Кира не стесняясь отпрашивалась на десять минут раньше с урока.

— Мне надо успеть домой, за бабушкой поухаживать, — говорила она учительнице. Все в классе понимали, что речь идет не только об кормлении, но и перемене пеленок.

Характер у Киры был строгий, и одноклассники сразу это почувствовали. Над ней не пытались подшучивать и не пытались сделать изгоем. К тому же Кира с первых же дней не терпела конкуренции в учебе.

Как-то ее родителей вызвали в школу.

— Понимаете, создается нездоровая атмосфера среди одноклассников. Мы задаем один параграф выучить, Кира выучивает два. И опережает всех. Она уже знает, что будет на следующем уроке. Может, не стоит гнаться за количеством знаний? Может, стоит обратить внимание на усвояемость материала? На качество запоминания? — сказала классная руководительница.

— Так и обратите внимание, — спокойно сказал отец, — это ваша задача. Если плохо помнит, дайте нагоняй. А нам-то что? Глаза ей завязывать? Пусть занимается, как ей нравится! Она же не двойки получает.

«Школа» не нашлась, что ответить, и Киру оставили в покое. К пятому классу у нее не было практически четверок. К восьмому стало ясно, что единственный претендент на золотую медаль — Кира Заболоцкая. Родители, как только поняли, что дочь учится хорошо, перестали интересоваться, чем там она занимается, чем увлекается. Они вообще не ходили на школьные собрания — им было некогда. Вся их жизнь проходила в заботах и хлопотах. Болели родители, родственникам в деревне нужна была помощь. Работа в ночную смену у отца, сверхурочные и подработка у матери. Нужны

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

были деньги, лекарства, одежда в эпоху дефицита. Кира рано вошла в самостоятельную жизнь — ключ на шее от квартиры, обед в школьной столовой, бабушка на руках, а еще хлеб и молоко из ближайшего универсама. Ее саму это устраивало. Кира не роптала, когда она единственная из класса не ехала на экскурсию в Ленинград. Она не ходила на школьные вечера, потому что мать и отец работали в ночную смену. А бабушку нельзя было оставить одну. Она пропускала торжественные мероприятия, потому что не было у нее нужной юбки и нужных колготок. Для нее это было не пустяком, просто досадным временным недоразумением. Из всех трудностей, с которыми сталкивалась ее семья, Киру раздражало только одно — внезапность проблемы, неготовность родителей встретить очередное несчастье во всеоружии.

— Мама, давай откладывать деньги? По чуть-чуть, — как-то предложила она матери.

— Это невозможно, — вздохнула мать, — у тети Гали в деревне забор надо ставить. Она одна, помочь некому.

Заболоцкая промолчала. В этой устоявшейся семейной системе она чувствовала изъян. Но никак не могла понять, где было это слабое звено. Только однажды, выйдя в суровый мороз на улицу без варежек, про себя решила, что она будет жить по-другому. Нет, она будет отзывчивой, она будет помогать родственникам, но покупка рукавиц за два рубля пятьдесят копеек не будет для нее чем-то катастрофичным. Как покупка нового холодильника взамен старого, внезапно сломавшегося. «Невозможно жить в ожидании неприятностей. Надо их предвидеть и быть готовым к ним», — решила она про себя.

Кира никогда не спорила с родителями. Она не докучала им расспросами, претензиями. Она никогда ничего не просила. И взрослые привыкли к такому ее поведе-

Время перемен

нию. Через несколько лет, когда она повзрослеет и отец с матерью попробуют ее поучать, она скажет им:

— Я буду поступать только так, как сочту нужным. Я никогда не была камнем у вас на шее. Я всегда и во всем помогала. Но моя жизнь будет отличаться от вашей.

Родители обидятся — они любили Киру и делали все необходимое, чтобы она росла нормально. Но тот груз, который везли эти взрослые, придавил и ее, их дочь.

В школе Кира тяжело сходилась со сверстниками. Она несколько презрительно наблюдала за их интересами, их увлечениями. Она по семейным обстоятельствам не могла полноценно участвовать в жизни класса, а потому противопоставила обычной подростковой беспечности свою преждевременную взрослость. Это отдаляло ее от сверстников еще больше.

Единственной подругой в классе была Лиля Мельникова, хотя более непохожих людей надо было поискать. На фоне неискренней игры школьной администрации в демократию, когда делался вид, что разницы между внуком министра и сыном рабочего ЖЭКа нет, дружба Киры и Лили была яркой иллюстрацией обратного. Лиля Мельникова, с ее импортными канцелярскими принадлежностями, портфелями, с ее обувью, пальто и дубленками, и Кира Заболоцкая, которая в последние два года в школе носила материнское пальто фабрики «Камышев», являли собой ту самую знаменитую картинку про социальные контрасты. Но самое удивительное, что девочки дружили крепко и искренне. Кира была самой желанной гостьей в доме Мельниковых, а мама Лили — Тамара Леонидовна при каждом удобном случае звонила матери Киры. Казалось, Мельниковы взяли шефство над Кирой, но сделали это так, что даже самый пристрастный наблюдатель не понял бы этого.

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Лидером в этой паре, как легко догадаться, была Кира. Лиля уступила ей первенство без споров и обид.

— Ты умнее меня. И взрослее. Даже мама моя так говорит, — сказала как-то Лиля. Они были в шестом классе и собирались пойти в чебуречную на соседней улице. Сложив мелочь в общую кучу, Кира сказала:

— Знаешь, чебуреки — это баловство. По одному съедим, но не наедемся. А у нас еще два урока труда. Лучше пойти в «Аист» и взять по комплексному обеду.

Лиля обожала чебуреки, но согласилась, не раздумывая. Она знала, что Кира всегда принимает верные решения.

Первые их размолвки начались тогда, когда мальчики вдруг стали обращать внимание на Лилю. В тот год вообще все пошло кувырком. Уже в середине сентября двоих ребят вызвали на педсовет за то, что они принесли пиво в школу. Старшеклассницам запретили приходить в школу без формы, а уроки плавания стали проходить отдельно — мальчики по вторникам, девочки — по четвергам. Начальная и средняя школа осталась позади, начиналась полная интриг и открытий старшая школа. Именно в это время Лилю стал провожать из школы Стасик Воронцов. Стасик был мальчиком красивым, но совершенно, как сказали бы сейчас, безбашенным. Справиться с ним не мог даже отец, известный кинорежиссер. Отчим пытался подружиться, чем делал еще хуже. Стасик сел на шею и семье, и школе. Мать его, актриса, была вечно занята.

— Воронцов за мной ходит, — как-то поделилась Лиля с подружкой новостью. — А еще звонит и узнает, что задали.

— Можно подумать, он уроки делать будет, — фыркнула Заболоцкая.

— Вот именно, — поддакнула Лиля и тут же добавила: — Он неплохой парень. Только с ним некому зани-

Время перемен

маться. Дома вечно пусто, мама на гастролях, отец на съемках. Отчим... Отчим. — Тут Лиля совсем как взрослая махнула рукой.

— Со мной тоже некому заниматься, и что? — возразила Кира.

— Но это же ты! — воскликнула Лилия. — Тебе, кроме учебы, ничего не интересно. А Стасик... Он такой любознательный, он вечно куда-то ходит.

— Шляется, а не ходит, — сказала Кира, — я его вечно на бульваре вижу. Сидит с парнями на скамейке и ржет в голос.

— Ну, это бывает... — вздохнула Лилия, — но все же...

— Все же он тебе нравится? — прищурилась Кира. — Такие идиоты всем нравятся.

— Он — красивый.

— И дурной. Думает, что его кормить до ста лет будут.

— Знаешь, он в кино меня позвал, — помолчав, сказала Мельникова.

— Иди в кино. И давай попробуй пообщаться, убедись, что я права. А пока я тебе мешать не буду. — Кира развернулась и пошла в сторону своего дома.

Лилия растерялась. Дома она все рассказала своей матери.

— Ты представляешь, она просто ушла.

Тамара Леонидовна очень уважала Киру, давно отметив ее здравый смысл и абсолютно взрослый подход к жизни.

— Ну, я бы, наверное, не ушла от подруги. Из-за мальчика ссориться глупо. Но по существу Кира права. Воронцов так себе парень. Столько историй с ним уже было и все они с неприятным душком.

Лилия огорченно замолчала. Недели две она ходила из школы вместе с Воронцовым, а на третью сказала ему:

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

— Стас, не провожай меня больше. Я начинаю ходить на дополнительные занятия, времени совсем не будет.

Воронцов отстал, а на следующий день Кира ее спросила:

— Ну что?

— Дурак он, целоваться лезет и вообще такие вещи говорит...

Заболоцкая хмыкнула:

— Я же тебе говорила.

Так они дошли до десятого класса. Лиля, натура романтическая, мечтательная, не спешащая взростеть, и Кира Заболоцкая, которая скрежетала зубами — так медленно, ей казалось, идет время. Она спала и видела, как закончит школу и вырвется во взрослую жизнь.

Лиля Мельникова — подруга героини — выросла в несколько иных условиях. Ее отец, Петр Вениаминович Мельников, был человеком занятым — руководство одним из московских строительных трестов было делом хлопотным, отнимало силы и время. Семья Мельниковых жила в центре Москвы, в прекрасном элитном доме. В те далекие застойные времена башни из светлого кирпича в историческом центре Москвы заселялись людьми номенклатурными, занимавшими большие посты. В подъезде дома Мельниковых проживали три министра, один военачальник и пара инструкторов ЦК партии. Все семьи сохраняли дружеские отношения «на расстоянии». Все были любезны, обменивались новостями, но в тесные отношения не вступали. Петр Вениаминович всегда наставлял жену:

— Можно случайно что-то сказать. Слово вылетит — не заметишь. А толковать его будут на разные лады.

Мельников не был трусливым. Не был он и очень осторожным, мог при случае начальству возразить, но

Время перемен

соседские сплетни и пересуды были для него страшнее всего. Он помнил, как его отца в тридцатых посадили за обычный разговор о продуктах в магазинах. Удивительно, что карьере эта память не помешала, храбрости не убавила, но среди соседей прослыл человеком замкнутым, немногословным.

Мать Лили была библиотекарем по призванию. Муж обеспечивал семью, в доме был достаток и ездить каждый день на работу необходимости не было. Но Тамара Леонидовна, несмотря на уговоры мужа, упрямо ездил на другой конец Москвы в одну из крупнейших библиотек Москвы. Она была заведующей отделом художественной литературы. В коллективе говорили, что «ей делать нечего», «бесится с жиру» и «наряды показывает». Последнее было отчасти верным — мама Лили приходила всегда в модных костюмах и платьях. Югославские сумки, немецкие сапоги, финские пальто — она меняла к зависти дам-коллег. Зарплаты библиотекарей были маленькими, у спекулянтов они не могли покупать дефицитные вещи в те времена. И мужей, которые могли доставать талоны в «тайную» секцию ГУМа не было. Поэтому Тамара Леонидовна выглядела королевой среди скромных сотрудниц. Впрочем, все единогласно признавали, что специалист она хороший, работает добросовестно, не опаздывает и частенько задерживается, подменяя других коллег. Одним словом, работа у Тамары Леонидовны была интересной, «с перчиком».

Лиля, дочь Мельниковых, училась в известной московской школе. Одноклассники были примерно из таких же семей. Впрочем, школьная жизнь девочки не отличалась от большинства ее сверстников. Может, только музыку немного другую она могла слушать, да и джинсы для нее не были чем-то удивительным.

Воспитанием занималась мать, поэтому к пятнадцати годам Лиля была не только отличницей, но и уме-

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

ла готовить, шить, прилично играла на пианино и пела нежным голосом советские лирические песни. К десятому классу мать задумалась было о женихах, но дочь ее опередила.

Лиля ехала в автобусе к учительнице английского языка (английский входил в обязательный список навыков и знаний, которыми должна обладать девушка из интеллигентной семьи. К тому же Тамара Леонидовна хотела, чтобы дочь училась в инязе и работала в солидной внешнеторговой организации). Проезд тогда стоил пять копеек, но у Лили не оказалось денег. Вывернув все карманы, она, покрасневшая от стыда, уселась в конце автобуса, но водитель все увидел и громко потребовал оплатить проезд. Он говорил в микрофон, все оглядывались на Лилю, а Лиля что-то тихо бормотала себе под нос. Водитель с какой-то издевкой несколько раз повторил:

— Я ничего не слышу, что вы мне говорите. Оплачивайте проезд!

Лиля была готова тут же выйти из автобуса, но, во-первых, она не знала не будет ли это бегством, а во-вторых, промежуток между остановками был длинным.

Эта мука продолжалась бы бесконечно, если вдруг не встал высокий парень, который опустил в кассу пятак, оторвал билет и отдал его Лиле. А вслух сказал:

— Перестань волноваться. Подумаешь, пятак.

Лиля, все еще пунцовая, сказала:

— Спасибо.

Водитель еще бросал гневные взоры в зеркало заднего обзора, их могли наблюдать пассажиры, ехавшие впереди, но Лилю это больше не трогало. Более того, ее внимание было поглощено молодым человеком, который пришел ей на помощь. Первым делом она пообещала этот самый «пятак» вернуть.

Время перемен

— Вы не волнуйтесь, скажите, куда вам деньги привезти, — вежливо спросила Лиля.

— Да не надо никаких денег, — смутился парень.

— Как же, как же... — пробормотала Лиля.

— Так, не надо. Пять копеек — это всего лишь пять копеек. И моя стипендия не заметит нанесенного урона, — рассмеялся он.

— Как вас зовут? — спросила Лиля и покраснела до слез. Получалось, она сама знакомилась с парнем. Это в ее представлении было совершенно недопустимо. Одно дело в школе с мальчиками-одноклассниками быть на короткой ноге, а другое дело — взрослый парень, в автобусе...

— Стас, — ответил тот, — а тебя?

— Лилия. Но все зовут меня Лиля.

— Это хорошо, — кивнул Стас, — Лиля — это хорошо, а то Лилия — очень длинно.

— Да, я согласна с тобой. И мне имя мое нравится.

Они проехали еще пару остановок, и Лиля спохватилась:

— Я выхожу на следующей, у меня занятия здесь. Урок.

Стас кивнул:

— Мне еще пилить и пилить. У нас «лабы» в другом корпусе.

— «Лабы»? — удивилась Лиля.

— Лабораторные работы. Студенческий жаргон.

— Понятно. Пока. Спасибо еще раз. И я бы деньги отдала...

— Нет, не надо, — махнул рукой Стас и вдруг спросил: — А ты всегда этой дорогой едешь на свой урок?

— Да, раз в неделю. Если ничего не меняется у педагога.

— Тогда через неделю в этом автобусе, договорились?

НАТАЛИЯ МИРОНИНА

Мельникова покраснела. «Он что, шутит? Он же через полчаса забудет о том, что мы ехали вместе!» — подумала она, но вслух сказала:

— Попробуем! Может, и встретимся!

— Обязательно встретимся, — рассмеялся Стас, — если, конечно, ты лодырничать не будешь и урок свой не пропустишь.

— Не пропущу. — Лиля стала пунцовой.

В этот раз ее педагог по английскому языку Алла Иосифовна удивлялась рассеянности своей лучшей ученицы. В дверях, прощаясь, она ей сказала:

— Понимаю, третья четверть тяжелая, сложная. Сил мало, весна на носу, зима вымотала. Но ты все равно держи темп. Не расслабляйся. Потом легче будет.

— Хорошо, — быстро ответила Лиля и зачем-то соврала: — У меня третий день голова болит и контрольные сплошные.

— Понимаю, понимаю, — кивнула Алла Иосифовна.

К автобусной остановке Лиля бежала бегом — ей казалось, Стас должен поехать обратно, после своих лабораторных работ. Уже на остановке она вспомнила, что денег у нее нет. Покрутившись и пропустив автобус, она пошла пешком. Ей не хотелось, чтобы на нее опять накричали или, что еще хуже, высадил контролер.

Дома она была очень поздно — родители уже раза три позвонили Алле Иосифовне. Та тоже обеспокоилась и сбегала на остановку, расспросила ожидающих автобусы людей.

— Не волнуйтесь, она, наверное, решила пешком пройтись. Жаловалась, что уже третий день болит голова, — успокаивала родителей встревоженная Алла Иосифовна.

Когда Лиля своим ключом открыла дверь и вошла в прихожую, отец так рывкнул, что хрустальные подвески люстры вздрогнули.

Время перемен

— Ты где шляешься? — закричал он.

Мать тут же отозвалась испуганным шепотом:

— Перестань, соседи услышат, разговоры пойдут.

Это был правильный ход — разговоров и огласки Мельников не хотел, а потому стих.

— Ты объясни дочери, что нервы у нас не железные. Что мы волнуемся и сегодня у нас прибавилось седых волос! — буркнул Мельников и скрылся в своем кабинете.

— Лиля, как так можно?! — развела руками мать.

— Как?! Я задержалась всего на полтора часа. И я не шляюсь! Я забыла деньги на автобус и шла пешком. В метро же точно не пустят... там турникет. Я устала, замерзла, а вы еще кричите!

А тихая и послушная до сей поры Лиля вдруг повысила голос и обнаружила возмущение. И мать вынуждена была согласиться — дочь не давала до этого никаких поводов для беспокойства. Наоборот, приходилось ее выгонять на школьные мероприятия. «Девочка взрослая, зачем мы так на нее накинулись! Но это все от волнения!» — подумала она.

— Послушай, надо уметь дружить, надо общаться, надо ладить со сверстниками! — говорила мать.

Лиля только пожимала плечами — она ладила и дружила. Но ей было скучно среди девочек, которые большую часть времени посвящали разговорам о мальчиках и косметике. Лиле хотелось проводить время, занимаясь более интересными делами. Она одна ходила в музей, иногда ходила на концерты. И подруга у нее была, одноклассница. Они вместе ездили учиться танцам. Кира была чем-то похожа на Лилю. Она не любила безделье, была любопытна и энергична.

— Знаешь, меня так долго ругали, что я бездельница, что я ленива, что даже когда сделаны все уроки и дополнительные занятия, я не могу спокойно сидеть на месте.